

ИДЕИ И ЛЮДИ

Владимир Набоков

In memoriam

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВУЮ часть новеллы можно разделить на семь сцен, или сегментов. СЦЕНА ПЕРВАЯ. Грегор просыпается. Он один. Он уже превратился в жука, но его чувства — это смесь ощущения человека и только что родившегося насекомого. Сцена заканчивается описанием категории из обихода человека — времени: «И он взглянул на будильник, который пытался на спутнике. «Боже правый!» — подумал он. Было половина седьмого, и стрелки спокойно двигались дальше, было даже больше половины, без малого уже три четверти...» Он хочет сказать, понимает, но, подумав, понимает, что врач больницы кассы считает его совершенно здоровым. «И разве в данном случае он был бы так уж не прав?»

СЦЕНА ВТОРАЯ. Три члена семьи спят в его дверь и разговаривают с ним соответственно из зала, гостиной и комнаты его сестры. Семья Грегора — это паразиты, она его эксплуатирует, поживает изнутри. С человеческой точки зрения это поведение жуков. Настоятельная необходимость поисков защиты от predators, жестокости и грязи заставляет Грегора изобретать панцирь, убежище, которое поначалу кажется прочным и надежным, но в конце концов оказывается таким же уязвимым, как его нездоровые плоть и дух. Кто же из трех паразитов — отец, мать, сестра — наиболее жесток? Вначале кажется, что отец. Но не он худший. Худшая — сестра, которую Грегор любит больше всех и которая предает его, начиная со «сцены выноса мебели» в середине новеллы. Во второй сцене возникает «тема дверей»: «Я дверь у себя изгородью осторожно поспушнул. Грегор, — услышал он (это была его мать), — уже без черт лица. Разве ты не собираешься уехать?». Снаружи благодаря деревянной двери, по-видимому, не заметили, как изменился его голос, потому что после этих слов мать успокоилась, и зашаркала прочь. Но короткий этот разговор обратил внимание остальных членов семьи на то, что Грегор вопреки очевидию все еще дома, и вот уже в одну из боковых дверей стучал отец — слабо, но клокотом... Отвечая всем вместе: «Я уже готов», Грегор старается выглядеть безмятежно: «И слышны паузы между словами, лишь свой голос какой бы то ни было необычно слышал. Отец и в самом деле вернулся к своему завтраку, но сестра продолжала шептаться: «Грегор, отойди, умоляю тебя».

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. Подъем как тяжелое испытание: человек здесь только предполагает, а жук действует. Грегор все еще думает о своем теле в человеческих категориях, но его нижние конечности уже стали задними лапками жука, а верхние — передними. Человек, стоящий на четвереньках, кажется ему жуком на шести лапках. Но он еще не осознал этого в полной мере и упорно пытается встать на свою третью пару ног.

«И он принялся выкатываться из кровати, раскачивая туловище по всей его длине равномерно. Если бы он упал так с кровати, то, видимо, не повредила бы голову, резко приподняв ее во время падения. Спина же казалась достаточно твердой; при падении на ковер не ней, наверно, ничего не случилось бы. Больше всего беспокоила его мысль о том, что тело его упадет с грохотом и это вызовет за всеми дверями если не ужас, то уж, во всяком случае, тревогу. И все же на это нужно было решиться...»

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ. Он все еще продолжает свою борьбу, когда «тема семьи», она же «тема дверей», возникает снова из продолжения этой сцены он, наконец, выбирается из постели и в глухом звуком падает на ковер. Разговор отчасти напоминает реплики древнегреческого хора. Из фирмы, где работает Грегор, пришел управляющий узнать, почему он еще не на станции. Эта неумолимая скорость проверки нерядового служащего очень похожа на дурной сон. Снова, как и во второй сцене, повторяются реплики из-за двери. Обратите внимание на последовательность: управляющий разговаривает с Грегором из комнаты слева, сестра Грегора Грета беседует с братом из комнаты справа, отец и мать ведут разговор из комнаты, в которой находится управляющий. Грегор пока еще может говорить, но его речь становится все более и более нечленораздельной — и вот уже ничего нельзя разобрать (в «Поминках по Финнегану», написанных Джойсом двадцать лет спустя, две прачки, разговаривая у реки, постепенно превращаются в могучий взв и камень). Грегор не понимает, почему сестра находится в правой комнате, а не вместе с остальными. «Вероятно, она только сейчас встала с постели и еще даже не начала одеваться. А почему она плакала? Потому что он не встал и не впускал управляющего, потому что он рисковать потерять место и потому что тогда хозяйка снова стала бы преследовать рогатой старыми требованьями». Бедный Грегор настолько привык быть просто инструментом для пользования его семьей, что вопроса о жалости даже не возникает. Он даже не надеется, что Грета его пожалеет. Мать и сестра обща-

ются друг с другом из дверей напротив комнаты Грегора. Сестру и прислугу посылают за врачом и слесарем. СЦЕНА ПЯТАЯ. Грегор открывает дверь. «Грегор медленно продвинулся со стулом к двери, отпустил его, навалился на дверь, прижал к ней стопами — на подушечках его лапок было какое-то клейкое вещество — и немного перекошил, натружившись. А затем принялся поворачивать ртом ключ в замке. Увы, у него, кажется, не было настоящих зубов — чем же теперь схватить ключ? — но зато челюсти оказались очень сильными; с их помощью он и в самом деле завынул ключом».

СЦЕНА ШЕСТАЯ. Грегор пытается уговорить управляющего, чтобы тот его не выгонял. «Ну вот, — сказал Грегор, отлично сознавая, что спокойствие сохранил он один, — сейчас я оденусь, соберу образцы и поеду... Куда же вы, господин управляющий? В контору? Да! Вы доложите обо всем! Иногда человек не в состоянии работать, но тогда как раз самое время вспомнить о прежних своих успехах в надежде, что тем внимательней и прилежней будет работать в дальнейшем, по устранив помехи». В трансе, спотыкаясь, идет к лестнице, чтобы уйти. Грегор пытается двинуться за ним — блестящее место! — на задний паре трех пар ног, «но тут же, щипа опору, со слабым криком упал на все свои лапки. Как только это случилось, телу его впервые за это утро стало уютно; под лапками было твердое покрытие, как он, к радости своей, отметил, слышал, что он слушался, даже сами стрелки перенесли его тула, куда он хотел; и он решил, что вот-вот все его муки окончательно прекратятся». Мать вскакивает на ноги и, пытаясь от него отстраниться, опрокидывает на стол кофейник, и кофе хлещет из него на ковер. «Мама, мама, — тихо сказала Грегор и погнул на нее глаза».

СЦЕНА СЕДЬМАЯ. Отец грубо затыкает Грегора назад в его комнату, топая ногами и размахивая палкой в одной руке и газетой в другой. Грегор не может зыгнать через неплотно закрытую дверь, подогнавший отцом, все же пытается, однако застревает. «Отда стороны его туловища поднялась, он наискосок лег в проходе, один его бок был совсем изранен, на белой двери остались безобразные пятна; вскоре он застрял и уже не мог самостоятельно двигаться дальше, на одном боку лапки повисли, прожа, вверх; на другом они были болно прижаты к полу. И тогда отец с силой дал ему сзади поистине спасительного пинка, и Грегор, облившись кровью, влетел в свою комнату. Дверь захлопнула палкой, и наступила долгожданная тишина».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЦЕНА ПЕРВАЯ. Делается первая попытка покорить жестокорылого Грегора. Считая, что его положение, конечно, неприятное, но отнюдь не безнадежное и со временем улучшится, семья вначале сажает его на диету — так поступа-

ют, очень голоден, молоко кажется ему отвратительным, и он ползает назад, в середину комнаты. СЦЕНА ВТОРАЯ. «Тема дверей» продолжается — к ней пришивается «тема длительности». Мы стали свидетелями обычного дня Грегора и его вечера этой фантастической зимой 1912 года, а также открытия дивана как спасительного средства. Но давайте вместе с Грегором посмотрим и послушаем сквозь щель в двери слева. Отец обычно читал вслух газеты жене и дочери. Но сейчас не слышно ни звука. Квартира, хотя в ней есть люди, словно вымерла: семья привыкла к необычной ситуации, в которой с сыном и братом произошла такая чудовищная перемена, что им было высочайше на руку и, надеясь на сострадание, криками и слезами молить о помощи; но они, трое обывателей, сидят и думают, как бы приспособиться.

Не знаю, читали ли вы несколько лет назад в газетах о юной девушке и юноше, который

он жил в этой комнате вот уже пять лет, и, повернувшись, почти безотчетно, он не без стыда поспешил уползти под диван, где, несмотря на то что спину ему немного прижало, а голову уже нельзя было поднять, он сразу же почувствовал себя очень уютно и пожелал только, что туловище его слишком широко, чтобы поместиться под диваном».

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. Сестра приносит Грегору набор кушаний. Она берет миску, правда, не просто руками, а при помощи тряпки, и выносит прочь. Однако она узнала, что сестра, и приносит полный набор: лежалые, с гнильцой, овощи, старый сыр, кости, покрытые белым застывшим соусом, — и Грегор при виде такого изобилия жужжит. «Со слезящими от наслаждения глазами он быстро уныпнулся, когда сир, овощи, соус, свежая пища, напротив, ему не нравилась, даже запах ее казался несносным, и он отпалскивал в сторону от нее куски, которые хотел съест». Сестра порывается пойти в двери, медленно

чим в этой новелле каждую деталь, а основная идея выплывает позже, когда мы будем располагать всем необходимым материалом, Сестра не понимает, что Грегор сохранил человеческое сердце, человеческую чувствительность, человеческие чувства внешнего приличия, стыда, унижения и жалкой гордости. Она его сильно раздражает шумом и спешкой, с которыми открывает окно, чтобы подышать свежим воздухом; а сама она даже не думает скрывать своего отвращения — ей ведь приходится дышать ужасный запах его логова. Не думает скрывать сестра и своих чувств, когда впервые его видит. Однако, когда после превращения Грегора прошел примерно месяц, «и у сестры, следовательно, не было особых причин удивления его виду, она пришла немного раньше обычного и зашла в комнату Грегора в комнату, у которого он стоял, являя собой довольно странное зрелище... Она отпрянула назад и заперла дверь, поспороннему могло бы

возвратится, не нашел в ней никаких перемен и поскорее забыл это время». Грегор терзается двумя эмоциями. Его жестокорылость предполагает, что он должен находиться в пустой комнате с голыми стенами, чтобы там было удобно ползать; единственное, что ему нужно, — это тряпочка, в которую он мог бы спрятаться, и обязательно диван, а все прочие человеческие удобства и украшения ему ни к чему. Но голос матери напоминает ему, что он принадлежит к человеческим особям. К несчастью, у сестры развилась непонятная уверенность в том, что при обращении дел Грегора она может выступать в качестве знатока наперекор родителям. «Может быть, впрочем, тут сказались и свойственная девушкам этого возраста пылкость воображения, которая всегда рада случаю дать себе волю и теперь побуждала Грету сделать положение Грегора еще более устрашающим, чтобы оказать ему еще большее, чем до сих пор, услуги». Любопытные стро-

движения» (вспомним, что управляющий удалялся очень медленно). Теперь же отец и сын медленно кружат по комнате; на самом деле все сцена едва ли похожа на сцену преследования — настолько медленно движутся персонажи. А потом отец начинал бомбардировать Грегора единственными снарядами, которые были в гостиной, — яблоками — и вот уже Грегор отнесен в середину комнаты, назад к истокам своей жестокорылости. «Одно легко брошенное яблоко задело Грегору спину, но скатилось, не причинив ему вреда. Зато другое, пущенное сразу вслед, накрепко застряло в спине у Грегора...»

На этом вторая часть заканчивается. Подведем итоги. Сестра теперь откровенно настроена против брата. Она, может быть, и любила его когда-то, но теперь относится к нему с гневом и отвращением. В госпоже Замза борются астма и эмоции. Она действует почти автоматически, с инстинктивной материнской любовью к сыну, но скоро мы увидим, что она тоже готова его предать. Отец, как уже отмечалось, действует теперь с позиции впечатлительной силы и жестокости и полностью готов к физическому расправе над своим беспомощным сыном, а яблоко, которое он бросил, застряло в спине бедного жука Грегора.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СЦЕНА ПЕРВАЯ. Снова звучит «тема дверей»: теперь под вечер всегда отворяется дверь, ведущая из темной комнаты Грегора в освещенную гостиную. Ситуация весьма щепетильная. В предыдущей сцене энергия отца и матери достигла предела: он, в своем блестящем мундире, бросающий эти красивые бомбочки — символы плодородия и мужественности, и она, которая действительно двигала мебель, но, смотря на свои большие дыхательные органы. Но после взлета следует падение, ослабление, и кажется, что к отцу снова вернулась слабость, сестра, грязь.

СЦЕНА ВТОРАЯ. Распад семьи Замза продолжается. Увольняется прислуга, для самой тяжелой работы приходит теперь огромная кистистая женщина. Можно вспомнить, что в 1912 году в Праге было труднее найти уборщицу и повара, чем в Итаке в 1954 году. Им приходится продавать драгоценности... Все в семье эгоистично, и на большее, чем исполнение своих естественных обязанностей, никто не способен.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. Наконец-то в воспоминаниях Грегора появляются какие-то люди — может быть, из-за того, что у него возникает желание помочь семье. Он даже припоминает каких-то подруг... Эта сцена в основном посвящена Грете, которая теперь — главная злодейка.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ. Между Грегором и кистистой служанкой устанавливаются любопытные отношения: служанку он скорее не отпугивал, а развлекал, и она, наверно, даже подлюбила его. «Потом, когда изловил жука», — говорила она. А за окном шел дождь, должно быть, признак наступающей весны.

СЦЕНА ПЯТАЯ. Появляются жильцы, трое бордатых мужчин, одержимых идеей порядка в доме. Это существа-автоматы, их бордаты — маски респектабельности, а на самом деле эти солидно выглядящие джентльмены — мелкие негодяи. В этой сцене в квартире происходит большие изменения... Прежде происходила «отток» мебели, теперь картина обратная: сброшенные с корабля товары

его жильцам, ее игра привлекает и Грегора, и он просовывает голову в гостиную... Сначала его никто не видит... Вдруг средний жилец замечает Грегора, но вместо того, чтобы его прогнать, отец пытается успокоить жильцов.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ. Сестра полностью перестает притворяться, ее предательство очевидно и для Грегора губительно. «Я не стану произносить при этом чувствительного моего брата и скажу только: мы должны поспешить избавиться от него...» То, что он должен исчезнуть и как человек, и как жук, наносит Грегору последний удар. В мучениях — потому что он слаб и искалечен — ползет Грегор обратно в собственную комнату. Оказавшись в дверях, поворачивает голову и бросает прощальный взгляд на мать, которая почти спит.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ. Грегор умер, его иссохшее тельце на следующее утро находит служанка, и теплое чувство большого облегчения развивается по этому презренному существу на секунды... Грегор — человек в обихое насекомого; его семья — это насекомые в человеческом обихое. Со смертью Грегора в их насекомых душах неожиданно рождается понимание того, что пора размыслиться. «Заиду к маме минутку, Грета», — сказала госпожа Замза... Служанка распахивает настеленное окно: воздух уже достаточно теплый, стоит конец марта, время, когда насекомые пробуждаются от зимней спячки.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ. Здесь мы можем полюбоваться жильцами: они спрашивают, где завтрак, но вместо этого видят труп Грегора... Жилцы больше не опасны, в то время как, с другой стороны, семья Замза снова обретает силу, власть и жизнеспособность. Сцена оканчивается повторением «темы лестницы».

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ. Последняя сцена просто превосходна в своей иронической простоте. Весеннее солнце освещает семейство Замза, в то время как оно пишет три письма, три объяснительных письма своим хозяевам. Входит служанка и сообщает, что, сделав утреннюю работу, она уходит, давая от добродушного смеха, служанка говорит: «Насчет того, как убрать это, можете не беспокоиться. Уже все в порядке...» Даваясь ступеням, основные темы новеллы. Число три играет в новелле существенную роль. Новеллу можно подразделить на три части. В комнату Грегора ведут три двери. Его семья состоит из трех человек. В новелле упомянуты три прислуги. Три члена семейства Замза пишут три письма. Я стараюсь не переоценивать значения символа, потому что, отдавая символ от художественной сути, переставая наслаждаться искусством... Символы могут быть оригинальными, могут быть глупыми и тривиальными. И абстрактная символика художественного подхода к произведению искусства никогда не должна доминировать над красотой бурлящей жизни.

Потому единственно, скорее даже геральдическим, нежели символическим значением, на котором Я основывался, является в «Превращении» число «три». Оно имеет специальное значение. Троица, тройка, триада, триптих — такие же очевидные формы искусства, как, скажем, три типа возраста — молодость, зрелые годы и старость; есть и другие трюны и утробные предметы. Триптих означает картину или резную работу, состоящую из трех частей; все части расположены рядом: это тот самый эффект, которого достигает Кафка, например, изображением трех комнат в начале новеллы: гостиная, спальня Грегора и комната сестры, причем спальня Грегора находится в центре. Более того, символика цифры «три» может предусматривать и драматическое произведение в трех актах. И в заключение хотел бы заметить, что фантазия Кафки, подчеркнута логикой, это убедительное говорит о логике, чем такая триада как тезис, антитезис и синтез. Таким образом, мы открываем кафкинский символ при его эстетической и логической значимостью и совершенно отождаем от тех мифов, которые сексуальные мифологии вычитывают из его произведениях под руководством венских знахарей.

2. Другая тематическая линия — это «тема дверей», открывающихся и закрывающихся дверей, которая проходит через всю новеллу.

3. Третья тематическая линия касается взлетов и падений в балополучии семьи Замза, состояние неустойчивого равновесия между его процветанием и жалкой и трагической состояния Грегора.

В новелле есть и ряд других подтем, но мы говорим сейчас только о тех, которые существенны для понимания новеллы. Вы, конечно, обратили внимание на стиль Кафки. Его ясность, его точная, нейтральная интонация звучит резким контрастом по отношению к кошмарным картинам, написанным в новелле. Никакие поэтические метафоры не украшают его четко очерченную черно-белую фавулу. Прозрачность его стиля подчеркивает богатство его мрачной фантазии. Контраст и единство, стиль и сущность, метод и сюжет удивительным образом составляют единое и нерасторжимое целое.

Перевод Виктора ДЕНИСОВА

ФРАНЦ КАФКА (1883 — 1924)

К 110-летию со дня рождения

«В моем представлении о литературоведении вообще нет места духовному содвигу, но коли уж выбирать родственную душу, то, конечно же, этого великого художника...» — так говорил Владимир Набоков о Франце Кафке. Лекция о новелле «Превращение» входила в курс «Шедевры мировой литературы», который Набоков читал в Корнелловском университете в 50-е годы. Следуя своей любви к особому, к точной детали, он рисовал для студентов план комнаты, на полу которой лежал Грегор Замза, и насекомое, в которое тот превратился: жук-навозник с надкрыльями, а не таракан, как многие думали. Но, обращаясь Набоков к аудитории, «если кто-то увидит в «Превращении» Кафки нечто большее, чем этнологическая фантазия, то я буду счастлив приветствовать его выступление в ряды хороших и великих читателей».

Сокращенный перевод лекции о Франце Кафке сделан по книге: Vladimir Nabokov. Lectures on Literature. N.Y. 1980. Цитаты из новеллы «Превращение» даны в переводе С. Апта.

но, чтобы показать Грегору, что он может устраиваться поудобнее, затем она снова приходит подмести, а в это время Грегора, нашедший до отъезда, прятается под диваном.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ. Грета, сестра Грегора, продолжает действовать: именно она кормит жука, она единственная входит к нему в логово, при этом вздыхая и обращаясь к святым, — это такая христианская семья. В чудесном абзаце прислуга стоит перед господней Замза на коленях и просит ее отпустить. А потом со слезами благодарит супругов за увольнение как за величайшую милость — словно она рабыня, которой даровали свободу, — и без подсказки дает страшную клятву, что никому не расскажет о том, что произошло в семье Замза. «Таким образом Грегор получил теперь эту египетскую оракулу раз утром, когда родилась и прислуга еще спала, а второй раз после общего обеда, когда родилась аплусу-такки дожились спать, а прислуга сестра услышала из дому с каким-нибудь поручением. Она тоже, конечно, не хотела, чтобы Грегор умер с голоду, но она знала все подробности кормления Грегора им было бы, вероятно, невыносимо тяжело, и, вероятно, сестра старалась избавить их хотя бы от маленьких огорчений, потому что страдал они и в самом деле достаточно».

СЦЕНА ПЯТАЯ. Это очень обескураживающая сцена, из которой становится известным, что в его человеческом прошлом семья обманывала Грегора. Он пошел на ужасную работу в кошмарную фирму, потому что хотел помочь отцу, который обанкротился пять лет назад. Теперь Грегор слышит разговоры отца о том, «что, несмотря на все беды, от старых времен сохранилось еще маленькое состояние и что оно, так как процентов не прогнали, за эти годы даже немного выросло...» Семья считает, что долги нужно оставить на черный день, но чем тогда оплачивать ежедневные покупки? Отец не работает уже пять лет, и рассчитывать на него все-таки нельзя. А матери работать не позволяла ее астма.

СЦЕНА ШЕСТАЯ. Между братом и сестрой складываются новые отношения, правда, на сей раз вместо двери в них фигурирует окно. Грегор «привык кресло к окну, вскарабкивался к проему и, упершись в кресло, припадал к подоконнику, что было явно только каким-то воспоминанием о чувстве освобождения, охватывавшем его прежде, когда он выглядывал из окна». Кажется, что Грегор — или Кафка — полагает, будто стремление героя достигнуть окна является воспоминанием об опыте человечества. Но на самом деле это типичная реакция насекомого на свет: пыльные клопы всегда льнут к оконному стеклу, мотыльки пристают к наружному створке его, хромыеки долгоножки, бедные насекомые, запутавшиеся в улу, как жужжащая муха в паутине, все же пытаются доползти до оконной рамы. Человеческий облик Грегора постепенно тускнеет настолько, что он уже не может отчетливо различать, что происходит на улице. Инстинкт насекомого вновь побеждает человеческие устремления. (Но давайте не становиться насекомыми сами. Давайте прежде всего изу-

даже показаться, что Грегор постерегал ее и хотел укустить. Грегор, конечно, сразу же спрытнулся под диван, но ее возвращение ему пришлось ждать до полуночи, а была в ней какая-то необычная восторженность. Такое ранит, и никто даже не понимает — насколько. Желая поскорее стереть подобный отталкивающий образ и продемонстрировать чистоту своих нравов, Грегор однажды «перенес на спину — на эту работу ему потребовалось четыре часа — простыню на диван и положило ее таким образом, чтобы она скрывала его целиком и сестра, даже натившись, не могла увидеть его...» Грегору показало даже, что он поймал благородный взгляд, когда осторожно приподнял головой простыню, чтобы посмотреть, как приняла это нововведение сестра.

Следует отметить, как добр, как хорош наш бедный монстр. Жестокорылость, хотя и искалечила и разложила его тело, кажется, дала Грегору человеческой мягкости. Его полное самоотречение, постоянная озабоченность нуждами других, несмотря на присутствующую на заднике отвратительную внешность, все это выглядит как большое достоинство. Искусство Кафки в том и состоит, что, с одной стороны, он наделял Грегора чертами насекомого, а с другой — читателю надлежало демонстрировать доброту и мягкость его человеческой природы.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ. Это сцена, в которой видны мебли. Прошло два месяца. Теперь уже Грегора навещает только сестра; но Грегор говорит себе, что его сестра лишь ребенок, и ее забота о нем продиктована единственно ее ребяческим упрямством. Мать должна разбираться в ситуации лучше. Поэтому в седьмой сцене страдающая астмой мать, слабое беспомощное существо, в первый раз заходит в комнату Грегора. Кафка готовит эту сцену с особой тщательностью. Превратившись в насекомое, Грегор приобрел привычку ползать по стенам и по потолку. Он находится в том блаженном состоянии, которое придала ему его жестокорылость. «Сестра сразу же заметила, что Грегор нашел новое развлечение — ведь, ползая, он повсюду оставал следы клейкого вещества, — и решила предостеречь ему как можно больше места для этого занятия, выставив из комнаты мешавшую ему ползанию мебель, то есть прежде всего стулья и письменный стол». Поэтому, чтобы помочь передвигаться мебели, приглашается мать. Та направляется к двери с возгласами извощиванной радости — сейчас она увидит сына! — неслепая спонтанная реакция, которая сменяется молчаливым в ту минуту, когда она входит в таинственную комнату. «Входи, его не видно, — сказала сестра и явно повела мать за руку».

Женщины стараются сдвинуть с места тяжелую мебель, и мать высказывает предположение, найное, все же пытаются доползти до оконной рамы. Человеческий облик Грегора постепенно тускнеет настолько, что он уже не может отчетливо различать, что происходит на улице. Инстинкт насекомого вновь побеждает человеческие устремления. (Но давайте не становиться насекомыми сами. Давайте прежде всего изу-

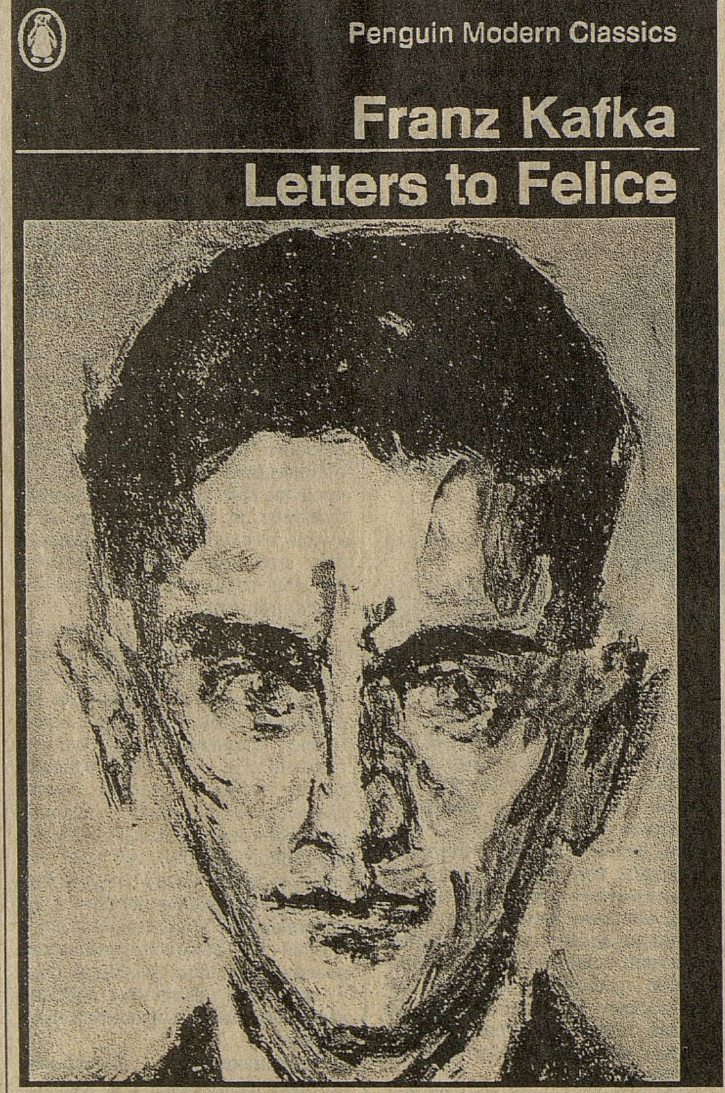
привести в чувство мать. «Грегор хотел помочь матери... какой-то пузырьки ранил на пол и разбился; осколок упал на Грегора...» Члены семьи теперь меняются местами. Мать — на диване, сестра — посреди комнаты, а Грегор — в углу левой комнаты. И тут домой приходит отец и входит в комнату. «И, побужен к двери своей комнаты, он прижался к ней, чтобы отец, войдя из переднего, сразу увидел, что Грегор исполнен готовности немедленно вернуться к себе и что не нужно, следовательно, пнуть его назад, а достаточно просто отворить дверь — и он сразу исчезнет».

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ. Очередь теперь дошла до сцены с бросанием яблок. Состояние отца изменилось — теперь он полон сил. Вместо человека, который привык лениво валяться в постели и едва мог поднять руку в знак приветствия, а когда выходил, то шаркал ногами и помогал себе костылем, «сейчас он был довольно-таки ослепит...» Грегор теперь очень интересуется движением человеческих ног, больших толстых человеческих ног, столь отличающихся от его собственных никчемных придатков. Дается повторение «темы медленного

доставляются назад, хлам в комнату течет рекой: но самое любопытное, что Грегор, хоть он нездоров — рана от яблока все еще причиняет ему боль — и голодает, находит удовольствие в том, что ползает среди этой рухляды.

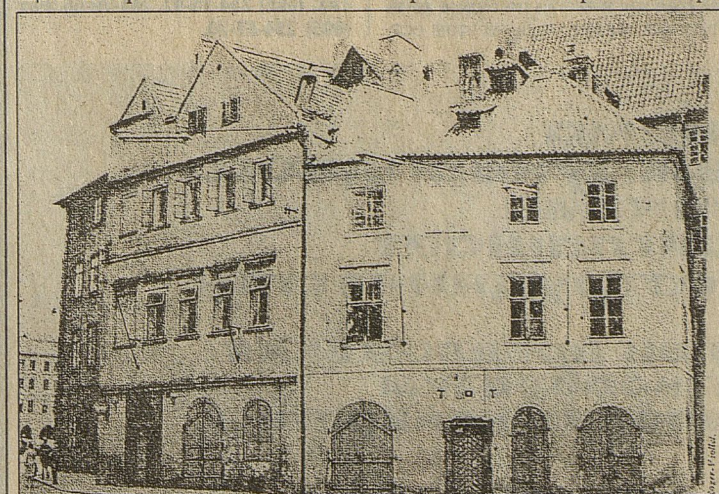
СЦЕНА ШЕСТАЯ. В этой огромной музыкальной сцене жилища усыпаны, как сестра на кухне играет на скрипке и, автоматическим среагировав на доставляемое музыкой удовольствие, просят, чтобы она им поиграла. Жилцы и члены семейства Замза собираются в гостиную.

В новелле Кафка на скрипке жалостливо плакал девушка — и это напоминает механическую современную музыку. Как относился к музыке Кафка, я уже говорил: он считал, что она оглуляет, вызывает онемение, животные качества. Это отношение следует утилизировать, переделать очень важное приращение, с которым справлялось далеко не все перевоплощения. «Была ли он животным, если музыка так волновала его?» Но по-человечески она его почти не волновала, а вот, будучи жуком, он реагирует: «Ему казалось, что перед ним открывается путь к желанной, неведомой пище». Далее происходит следующее: сестра Грегора игра-

ты с большими — и поит молоком. Мы уже знаем о дверях, которые в сумерках укрываются открываются и закрываются. Из кухни в переднюю по направлению к двери в его комнату кто-то тихо идет — прощались сестра, — и он обнаруживает, что в комнату поставили миску с молоком. В схватке с отцом Грегор ушиб одну из ножек, она потом пройдет, но в этой сцене он хромает и волочит ее за собой. Для жука он большой, но для человека — слишком мал и хрупкий. Грегор пытается подползти к молоку. Однако в то время как его человеческий ум охотно принимает сладкую похлебку — в молоке плавают ломтики белого хлеба, — его желудок жука и вкус жесткорылых отказываются от пищи млекопитающих. Хотя он

ци, очень похожие на фантастическую историю, описанную Кафкой. Отмечу забавный образ мышления кафкианских придурков, которые наслаждаются чтением вечерней газеты, несмотря на кошмар, происходящий в их квартире. «До чего же, однако, тихую жизнь ведет моя семья», — сказала себе Грегор и, установившись в темноту, почувствовал великую гордость от сознания, что он сумел добиться для своих родителей и сестры такой жизни в такой прекрасной квартире». Комната очень высокая и пустая, и жесткорылые начинают бегать вверх над человеческим. Высокая комната, в которой он вынужден был плавать лежать на полу, дугала его, хотя причины своего страха он не понимал, ведь

Дом, где жил Франц Кафка. Прага

70